

1850 г. р.

# СКАЗКИ АНДЕРСЕНА



Оле-Лузь-Ой.  
Пятеро изъ одного стручка.

Допущено Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. въ  
ученическія библіотви низшихъ учебныхъ заведеній.

1918.

ИЗДАНИЕ I. КНЕБЕЛЬ. МОСКВА.







1867-587

25616

A-65

НА КОМ  
НЕ ВЫДАЕТСЯ

## Оле-Лукъ-Ой.

На всемъ свѣтѣ не найдешь человѣка, который зналъ бы столько интересныхъ исторій, сколько ихъ знаетъ Оле-Лукъ-Ой. И какъ же хорошо умѣетъ онъ ихъ разсказывать!

Какъ только наступить вечеръ, и придетъ время дѣткамъ ложиться спать. Оле-Лукъ-Ой пробирается въ домъ и неслышно входитъ въ дѣтскую, гдѣ они играютъ, сидя за своими столами.

Тихо, тихо подкрадывается онъ къ дѣтямъ и, вставъ за ихъ спинами, брызжетъ имъ въ глаза сладкимъ молокомъ изъ тоненькой трубочки. Онъ дѣлалъ это такъ осторожно, что дѣтямъ нисколько не больно: они чувствуютъ только, какъ глаза ихъ начинаютъ слипаться. Тогда ихъ укладываютъ въ постельки, и они скоро засыпаютъ.

Сказки Андерсена, М. л.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА  
дома дѣтской книги  
ДЕТГИЗА

Российская государственная  
детская библиотека

662313 кх - редн



Когда дѣти заснутъ, Оле-Луку-Ой подходитъ къ ихъ кроваткѣ и усаживается у изголовья.

Онъ одѣтъ въ красивое шелковое платье, цвѣта котораго нельзя опредѣлить: онъ все время мѣняется, смотря по тому, въ какую сторону повертывается маленькій волшебникъ. На головѣ у него красный колпачекъ съ кисточкой, а подъ мышками онъ держитъ два большихъ зонтика. На одномъ нарисовано много, много красивыхъ картинокъ,—этотъ зонтикъ онъ раскрываетъ надъ добрыми дѣтьми, и тогда имъ всю ночь снятся чудесные сны. Другой же зонтикъ совсѣмъ бѣлый, на немъ нѣтъ никакихъ рисунковъ, и когда Оле-Луку-Ой раскрываетъ его надъ дурными дѣтьми—они всю ночь не видятъ ни одного сна.

Вотъ послушаемъ-ка теперь, что рассказывалъ Оле-Луку-Ой одному мальчику Гіальмару, къ которому онъ приходилъ каждый вечеръ въ теченіе цѣлой недѣли.

### Понедѣльникъ.

— Ну,—сказалъ Оле-Луку-Ой, усѣвшись на постель Гіальмара.—Прежде, чѣмъ расска-



зывать тебѣ сказку—я хочу убрать твою комнату.

И, подойдя къ окну, онъ дотронулся своей палочкой до цвѣтовъ. Въ ту же минуту они всѣ превратились въ большія, красивыя деревья. Чудесные, душистые цвѣты покрывали ихъ вѣтви, и спѣлые плоды блестѣли, какъ золото...

Гіальмаръ не узнавалъ своей комнаты и съ удивленіемъ смотрѣлъ на прекрасный, тѣнистый садъ...

Вдругъ, въ ящикѣ, гдѣ лежали учебныя книги Гіальмара, послышался страшный шумъ.

— Это что такое?—воскликнулъ Оле-Лукъ-Ой, подходя къ ящику.

Оказывается, это шумѣла грифельная доска, такъ какъ задача, написанная на ней, была сдѣлана невѣрно, и грифель, привязанный къ ней, отчаянно прыгалъ на своемъ шнуркѣ, стараясь исправить ошибку. Но онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ, вѣдь, грифеля не знаютъ ариѳметики!

—Ш-ш-ш!—зашелестѣла вдругъ тетрадь чистописанія. На ея страницахъ тоже начинался бунтъ. Рядомъ съ красивой, стройной прописью были написаны рукой Гіальмара кривыя, совсѣмъ валившіяся на бокъ буквы.

— Стойте прямо! Смотрите на меня!—сердилась пропись.

— Ахъ, но мы же не можемъ! Мы сами бы хотѣли стоять прямо, но у насъ нѣтъ силъ, чтобы подняться!—отвѣчали буквы Гіальмара.



— А! въ такомъ случаѣ я сумѣю расправиться съ вами, лѣнтяйки!—воскликнулъ Оле-Лукъ-Ой.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—испуганно закричали буквы и тотчасъ вытянулись и стали такъ прямо и красиво, что пріятно было смотрѣть.



— Ну, знаешь, теперь я долженъ поучить ихъ,—сказалъ Оле-Лукъ-Ой Гіальмару. —Сказку я расскажу тебѣ уже завтра.—И, взявъ въ руки свою стеклянную трубочку, онъ принялся командовать буквами:—Разъ! Два! Разъ! Два!—Буквы послушно выпрямлялись и становились не хуже самой красивой прописи.

Когда же Гіальмаръ рано утромъ взялся за свою тетрадь, его буквы оказались все такими же кривыми и жалкими.

Увы, все это былъ только сонъ.

## Вторникъ.

Только-что Гіальмаръ улегся въ постель, какъ явился Оле-Лукъ-Ой и принялся брызгать на всю мебель изъ своей волшебной трубочки. И тотчасъ же вся мебель ожила и начала двигаться и разговаривать другъ съ другомъ. Такая болтовня поднялась, что хоть изъ комнаты убѣгай! Одна только плевательница молча стояла въ углу и думала печальную думу о томъ, что на нее никто не обращаетъ вниманія, потому что она слишкомъ скромна и позволяетъ всѣмъ плевать въ себя.

На стѣнѣ надъ комодомъ висѣла большая картина въ красивой золотой рамѣ. На ней была нарисована широкая рѣка, на берегу которой стояли красивые замки, росли дремучіе лѣса и тянулись широкіе, зеленые луга.

Оле-Луку-Ой дотронулся до картины своей палочкой—все въ ней ожило. Деревья закачали своими вѣтвями, птицы запѣли, по небу понеслись легкія, бѣлыя облачка.

Оле-Луку-Ой взялъ Гіальмара на руки и, поднеся къ картинѣ, поставилъ его на берегъ рѣки, къ тому мѣсту, гдѣ стояла маленькая парусная лодочка. Гіальмаръ прыгнулъ въ нее и въ ту же минуту увидѣлъ шесть бѣлыхъ лебедей, которые подплывали къ лодкѣ. На головахъ у нихъ блестѣли звѣзды, а на шеѣ у нихъ были золотыя цѣпочки. Сопровождаемый лебедями, Гіальмаръ поплылъ вдоль рѣки.

Онъ проѣзжалъ мимо густыхъ, зеленыхъ лѣсовъ, гдѣ деревья рассказывали ему сказки о лѣшихъ и вѣдьмахъ, цвѣты—о маленькихъ, веселыхъ эльфахъ, а рѣчныя лиліи—о русалкахъ и водяныхъ.

Веселое это было путешествіе!



Мимо него проходили чудесные замки съ зеркальными стеклами, гдѣ на террасахъ стояли маленькія знакомыя дѣвочки Гіальмара, одѣтыя принцессами, и, просовывая руки сквозь перила, протягивали Гіальмару вкусные шоколадные пряники. Онъ схватывалъ пряникъ, тотъ переламывался, и въ его рукѣ оставался большой кусокъ, тогда какъ у принцессы—совсѣмъ маленькій.

А въ дверяхъ замковъ стояли на часахъ маленькіе принцы. Они дѣлали на-караулъ золотыми саблями и разсыпали вокругъ себя сладкій изюмъ.

Сразу видно, что настоящіе принцы!..

Мимо многихъ городовъ и деревень проплывалъ Гіальмаръ.

Приплылъ онъ и въ тотъ городъ, гдѣ жила его старая няня, которая носила его на рукахъ, когда онъ былъ совсѣмъ маленькимъ, и часто пѣла ему одну пѣсенку, которую онъ очень любилъ.

Вотъ она:

„Каждый день я тебя вспоминаю,  
Ненаглядный мой, крошка моя!

Вѣдь, твой ротикъ, и лобъ, и рѣсницы  
Осыпала лобзаннями я.

И я слышала первый твой лепетъ;  
Но пришлось намъ разстаться съ тобой...  
Да хранить тебя всюду Всевышній,  
Ненаглядный ты мой, дорогой!



Такъ ѣхалъ Гіальмаръ на своей лодочкѣ,  
тихо напѣвая эту пѣсенку, и птицы въ лѣсу  
вторили ему, а цвѣты радостно танцовали



на своихъ стебелькахъ, кивая пестрыми головками.

Можно было подумать, что Оле-Лукъ-Ой и имъ рассказывалъ сказку!

### Среда.

— Господи, Господи! Какой проливной дождь!..

Гіальмаръ даже во снѣ слышалъ, какъ онъ барабанилъ по крышѣ, и какъ шумѣла вода, стекая по водосточнымъ трубамъ.

Улица превратилась въ настоящее море!.. Вдругъ у самого окна появился громадный корабль, совсѣмъ такой, какіе бываютъ на картинкахъ.

— Хочешь отправиться въ чужеземныя страны?—сказалъ Гіальмару Оле-Лукъ-Ой.

— Хочу—отвѣтилъ мальчикъ и тотчасъ же очутился сидящимъ на кораблѣ, одѣтымъ въ свое праздничное платье.

Дождь сейчасъ же прекратился, выглянуло солнце, и они поплыли по улицамъ города, мимо домовъ и церквей. Скоро выѣхали они въ открытое море. Безпредѣльная, водная ширь!

Ничего, кромѣ воды и неба!

Вдругъ они увидѣли высоко надъ собой вереницу журавлей.

— Это они летятъ въ теплыя страны,— подумалъ Гіальмаръ.

Журавли летѣли одинъ за другимъ, и только одинъ изъ нихъ, самый послѣдній, былъ ниже всѣхъ и, повидимому, очень усталъ. Онъ тяжело и медленно подымалъ свои крылья и все больше и больше отставалъ отъ товарищей. Онъ былъ уже совсѣмъ близко отъ корабля, его ноги почти касались мачты...

Вотъ онъ еще взмахнулъ крыльями... разъ, два... и, наконецъ, обезсиленный, опустился на палубу. Матросы взяли его и посадили въ курятникъ, къ курамъ, уткамъ и индѣйкамъ.

Онъ стоялъ тамъ, сконфуженный, и смущенно озирался по сторонамъ. А вокругъ него все гоготало, кудахтало, кричало. Населеніе курятника было взволновано появленіемъ новаго лица. Утки пятились отъ него назадъ, цесарки пощипывали его за хвостъ, а индѣйскій пѣтухъ презрительно надувался и спрашивалъ журавля: кто онъ такой и откуда явился къ нимъ? Журавль началъ рассказывать о жаркой Африкѣ, о пирамидахъ, которыя онъ тамъ видѣлъ, о длинноногомъ



страусъ... Но никто изъ домашнихъ птицъ не понималъ его, и всѣ кудахтали другъ другу:

— Онъ глупъ! Онъ положительно глупъ!.

— О! онъ совсѣмъ глупъ!—прошипѣлъ индѣйскій пѣтухъ и важно растопырилъ свой хвостъ.

Журавль замолчалъ и печально думалъ про себя о своей далекой Африкѣ.

— Эге! Какія у васъ длинныя, тонкія ноги! Почемъ платили за аршинъ?—спросилъ индѣйскій пѣтухъ, и всѣ утки радостно загоготали. Журавль сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, и еще ниже опустилъ свой длинный носъ.

— Вы могли бы засмѣяться! Я думаю, не каждый скажетъ такъ остроумно!—замѣтилъ пѣтухъ, обиженный, что журавль не оцѣнилъ его остроуту.—Или, быть можетъ, вы выше этого? Ха-ха-ха! Несчастный! Какъ онъ глупъ!.. Ну, что-жъ, не всѣмъ же быть умными!—и онъ самодовольно заоралъ: —Ку-ка-ре-ку-у-у!—И весь курятникъ вторилъ ему.

Въ это время Гіальмаръ открылъ дверцу курятника и выпустилъ оттуда журавля.

Журавль радостно выскочилъ на палубу и, расправивъ крылья, поднялся въ небо.

Онъ уже отдохнулъ и теперь отправился догонять своихъ товарищей.

А въ курятникѣ все еще слышно было ужасное кудахтанье.

— Тише вы! Послѣдній день живете на свѣтѣ, завтра мы сваримъ изъ васъ супъ!— сказалъ Гіальмаръ, подходя къ курятнику, и—проснулся.

Онъ лежалъ въ своей мягкой постелькѣ и думалъ о томъ, какое чудесное путешествіе совершилъ онъ сегодня ночью съ Оле-Лукъ-Ой!

### Четвергъ.

— А знаешь, сегодня мы будемъ съ тобой пировать на свадьбѣ!— сказалъ Гіальмару Оле-Лукъ-Ой, и съ этими словами онъ протянулъ ему руку, на которой сидѣла маленькая, хорошенькая мышка.

— Она пришла пригласить тебя, не бойся ее! Видишь-ли здѣсь живутъ двѣ молодыя мыши, которыя хотятъ сегодня ночью вступить въ законный бракъ. Ихъ квартира подъ



поломъ, какъ разъ подѣ столовой твоей матери. Пойдемъ, будетъ очень весело!

— Но какъ же я пролѣзу подѣ полъ, въ такую маленькую дырку?—спросилъ Гіальмаръ.

— А это ужъ не твоя забота, я сумѣю сдѣлать тебя маленькимъ!—отвѣтилъ—Оле-Лукъ-Ой и прикоснулся къ мальчику своей палочкой.

Вотъ такъ чудо! Въ одну минуту Гіальмаръ сдѣлался совсѣмъ крошечнымъ, не больше мизинца.

— Теперь тебѣ будетъ впору платье твоего оловяннаго солдатика,—сказалъ Оле-Лукъ-Ой.—Тебѣ, вѣроятно, очень пойдетъ военный мундиръ.

— Конечно!—отвѣтилъ Гіальмаръ и съ удовольствіемъ одѣлся въ хорошенькій, блестящій мундирчикъ.

Потомъ онъ сѣлъ въ наперстокъ своей матери, взялся за хвостъ мыши, который она ему любезно предложила, и такимъ образомъ они поѣхали на свадьбу.

Черезъ нѣсколько минутъ Гіальмаръ очутился подѣ поломъ, въ длинной, узкой галлерей, по которой только и можно было проѣхать въ наперсткѣ. Вся эта галлерей была

смазана саломъ и иллюминована гнилымъ деревомъ.

— Не правда-ли, какъ здѣсь чудно пахнетъ?—съ гордостью спрашивала мышь.— Ничего не можетъ быть лучше!



И она съ удовольствіемъ поводила своимъ маленькимъ, розовымъ носикомъ.

Вотъ наконецъ они и въ залѣ!

Боже мой, сколько мышей!..

Гіальмаръ съ любопытствомъ оглядывался вокругъ.



Направо отъ двери стоялъ цѣлый рядъ мышей-дамъ; онѣ громко пищали и шептались другъ съ другомъ; налѣво — стояли мужчины и важно поглаживали себѣ усы.

А посреди зала, на большой коркѣ отъ сыра, помѣщались женихъ и невеста, которые страшно цѣловались на виду у всѣхъ.

Что жъ такое? Вѣдь, они были обручены и собирались вступить въ бракъ!

Гости все приходили и приходили.

Было уже такъ тѣсно, что приходилось стоять чуть не на головѣ другъ у друга. Но всѣ были очень веселы и громко пищали отъ удовольствія. Для угощенія принесли большую горошину, на которой одна мышь, родственница жениха, выкусила зубами буквы именъ новобрачныхъ.

Это было удивительно!

Затѣмъ было объявлено, что свадьба окончена, и всѣ заявили, что было очень, очень весело.

Послѣ этого Гіальмаръ возвратился въ свою комнату и снова улегся въ свою мягкую постель.

Да, онѣ побывалъ сегодня въ очень интересномъ обществѣ, хотя для этого ему и

пришлось лѣзть въ наперстокъ и одѣвать костюмъ оловяннаго солдатака!

### Пятница.

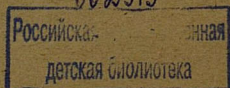
— Какъ много есть на свѣтѣ взрослыхъ людей, — сказалъ Оле-Лукъ-Ой, — которые очень хотятъ, чтобы я приходилъ къ нимъ ночью, какъ къ маленькимъ дѣтямъ! И почти всегда они оказываются людьми, сдѣлавшими что-нибудь дурное. Какъ они упрашиваютъ меня!

— Добрый, маленькій Оле, говорятъ они, мы не можемъ спать, наши злыя дѣла измучили насъ; они точно какіе-то духи являются къ намъ каждую ночь и, сѣвъ у изголовья, терзаютъ насъ такъ, что мы ни на минуту не можемъ сомкнуть глазъ.

Приди, къ намъ дорогой Оле, и прогони ихъ! Мы заплатимъ тебѣ, только сдѣлай такъ, чтобы мы могли спокойно спать!

Такъ говорятъ мнѣ эти люди и прибавляютъ:—Деньги лежатъ на окошкѣ, Оле! Но я никогда не дѣлаю этого за деньги, пусть они запомнятъ это,—прибавилъ вслѣдъ затѣмъ Оле-Лукъ-Ой, серьезно взглянувъ на Гіальмара.

662313





— Ну, а что же ты покажешь мнѣ сегодняшней ночью?—спросилъ Гіальмаръ.

— Сегодня намъ опять предстоитъ свадьба. Не знаю только, захочешь ли ты второй разъ видѣть одно и тоже?—сказалъ Оле-Лукъ-Ой.

— Впрочемъ, это будетъ совсѣмъ другая свадьба, чѣмъ та, на которой мы были вчера. Ты, вѣдь, знаешь большую куклу твоей сестры, которую зовутъ Германомъ?

Ну, такъ вотъ этотъ Германъ и хочетъ жениться на куклѣ Бертѣ. Кромѣ того, Берта сегодня именинница и, навѣрно; получить много подарковъ.

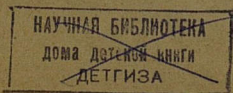
— О, я знаю эти именины!—воскликнулъ Гіальмаръ.—Каждый разъ, какъ сестрѣ захочется сшить куклѣ новое платье, она устраиваетъ ей либо именины, либо свадьбу! Это ужъ бывало, по крайней мѣрѣ, разъ сто.

— Ну, а сегодня это будетъ сто первая свадьба, и ужъ, конечно, она будетъ послѣдней. Потому-то и стоитъ сходить на нее.

— Посмотри-ка, какъ хорошо!—сказалъ Оле-Лукъ-Ой, указывая Гіальмару на столъ.

На столѣ стоялъ картонный домикъ, на окнахъ котораго стояли зажженные свѣчи, а

Сказки Андерсена. Мн. в.



передъ нимъ маршировали оловянные солдатики, отдавая всѣмъ честь.

Внутри сидѣли женихъ и невѣста. Они были очень задумчивы и молчали. У нихъ, конечно, были на это свои причины!..

Оле-Лукъ-Ой одѣлся въ черный капотъ бабушки, который былъ ему очень длиненъ, но зато дѣлалъ его очнь похожимъ на священника и, выведя жениха съ невѣстой изъ домика, обвѣнчалъ ихъ.

Какъ только обрядъ кончился—вся мебель хоромъ запѣла:

„Несись, какъ вѣтеръ, пѣснь! Невѣста и женихъ,

„Ура! Обвѣнчаны! Прославь, о пѣсня, ихъ!

„Глуха, слѣпа чета, не двигается съ мѣста:

„Изъ замши нашъ женихъ, изъ замши и невѣста.

„Но все же мы поемъ, желая имъ добра!

„Звучи, какъ вѣтеръ, пѣснь! Ура! Ура! Ура!

Потомъ новобрачнымъ были поднесены подарки; но они не обращали на нихъ никакого вниманія такъ какъ души ихъ были переполнены любовью.



— Поѣдемъ мы теперь путешествовать или переѣдемъ на дачу?—спросилъ молодой супругъ.

Для того, чтобы рѣшить этотъ трудный вопросъ—пригласили ласточку, которая много путешествовала и знаетъ всѣ страны, и старую курицу, про которую всѣ говорили, что она очень умна.

Ласточка рассказала о теплыхъ странахъ, о томъ, какое тамъ синее небо, какое горячее солнце, и какъ много тамъ чудесныхъ цвѣтовъ и крупнаго, сочнаго винограда.

— Да, но тамъ нѣтъ зато нашей капусты!—замѣтила курица.—Прошрое лѣто я жила на дачѣ со своими цыплятами въ одномъ роскошномъ саду. Тамъ было много грядъ съ капустой, и кромѣ того была песочная горка, въ которой мы могли рыться цѣлыми днями. О, какъ это было хорошо!

— Но, вѣдь, капуста такъ однообразна,—сказала ласточка,—одинъ кочанъ точь-въ-точь, какъ другой! И потомъ здѣсь такая всегда плохая погода!

— Ну, къ этому-то легко привыкнуть!—возразила курица.

— Да, но, вѣдь, здѣсь положительно замерзаешь!

— А для капусты это полезно. Впрочемъ, вѣдь, и у насъ бываетъ тепло.

Я помню, какъ одно лѣто длилось цѣлыхъ пять недѣль, и была такая жара, что нечѣмъ было дышать... Кромѣ того, у насъ нѣтъ ядовитыхъ змѣй, которыми полны лѣса въ вашихъ теплыхъ странахъ.

Нѣтъ, всякій скажетъ, что у насъ гораздо лучше жить. Ни одна страна не сравнится съ нашей! — кудахтала курица. — Знаете, я, вѣдь, тоже разъ путешествовала! Цѣлыхъ двѣнадцать миль проѣхала въ клѣткѣ. Очень скверно было! Нѣтъ, я не люблю путешествій!..

— Да курица совершенно права, она благоразумная женщина! — воскликнула кукла Берта. — Я тоже не имѣю ни малѣйшаго желанія путешествовать по странамъ, гдѣ умираютъ отъ жары, и гдѣ много ядовитыхъ змѣй!

Нѣтъ, мы лучше переѣдемъ на дачу и непременно заведемъ себѣ садъ съ капустой и песчаную горку!..

Такъ и порѣшили.



## Суббота.

— А сегодня ты расскажешь мнѣ сказку?— спросилъ Гіальмаръ, когда Оле-Лукъ-Ой явился къ нему.

— О, сегодня у насъ есть болѣе важное дѣло!

— Какое?—спросилъ Гіальмаръ дрожа отъ нетерпѣнія.

— А вотъ, взгляни сюда!—отвѣтилъ маленькій волшебникъ и раскрылъ надъ Гіальмаромъ свой чудесный зонтикъ.

— Ой, сколько китайцевъ! Весь зонтикъ, точно большая китайская чаша, былъ полонъ ими.

Они расхаживали тамъ, между красивыми деревьями, по рѣзнымъ, висячимъ мостикамъ и весело кивали своими маленькими головками съ длинными-длинными косами.

— Ты вѣдь знаешь, что завтра праздникъ, воскресенье?—обратился Оле-Лукъ-Ой къ Гіальмару, который съ любопытствомъ разсматривалъ интересный зонтикъ.—Поэтому мы должны сегодня разукрасить и вычистить весь міръ къ завтрашнему дню.

Я схожу на всѣ колокольни, чтобы погля-

дѣть, чистятъ ли маленькіе духи колокола, и хорошо ли они блестятъ.

Выйду въ поле узнать, сметаешь ли вѣтеръ пыль съ травы и деревьевъ, и, наконецъ, что всего важнѣе, я долженъ снять съ неба всѣ звѣзды, чтобы вычистить ихъ.

— Я соберу ихъ всѣ въ подолъ моего платья, а ты помоги мнѣ перенумировать какъ ихъ, такъ и тѣ дырочки, въ которыхъ онѣ укрѣплены. Это надо для того, чтобы потомъ не спутать ихъ и посадить опять на прежнія мѣста; иначе онѣ будутъ вываливаться, и у насъ будетъ очень много падающихъ звѣздъ.

— А знаете что, господинъ Оле-Лукъ-Ой, — сказалъ вдругъ портретъ стараго дѣдушки Гіальмара, висѣвшій на стѣнѣ, — я очень благодаренъ вамъ за то, что вы рассказываете ребенку сказки. Но зачѣмъ же вы набиваете его голову такими глупостями, что звѣзды можно снимать съ неба и чистить! Вѣдь это же чистѣйшій вздоръ! Звѣзды такія же тѣла, какъ и наша земля, и мальчику необходимо знать это...

— Очень благодаренъ вамъ за поученіе, почтенный дѣдушка! — сказалъ Оле-Лукъ-Ой, взглянувъ на портретъ. — Вы — глава семьи,



и я, конечно, очень уважаю васъ за это, но знаете-ли вы, что я еще старше васъ и при томъ же ничуть не глупѣе?! Я—старый язычникъ! Еще римляне и греки называли меня богомъ сна, и не было на свѣтѣ человѣка, который былъ бы недоволенъ моими сказками! Впрочемъ, если вы недовольны мной, то можете сами рассказывать вашему внуку все, что вамъ будетъ угодно!..

И сердито сложивъ свой зонтикъ, Оле-Лукъ-Ой исчезъ.

— Ну, вотъ, даже мнѣнія своего высказать нельзя!..— сконфуженно пробормоталъ старый портретъ.

И въ эту минуту Гіальмаръ проснулся.

### Воскресенье.

Вечеромъ, какъ только Гіальмаръ, лежа въ постели, услышалъ голосъ Оле-Лукъ-Оя, онъ тотчасъ же вскочилъ и быстро перевернулъ портретъ дѣдушки лицомъ къ стѣнѣ, чтобы онъ больше не могъ вмѣшиваться въ разговоръ. Затѣмъ онъ повернулся къ Оле-Лукъ-Ою и весело воскликнулъ:

— Какъ я радъ, что ты пришелъ! Ты вѣдь расскажешь мнѣ сегодня о пяти горошинахъ, которыя жили въ одномъ стручкѣ, о пѣтушьей ногѣ, о штопальной иглѣ, которая увѣряла всѣхъ, что она очень тонка... Расскажешь? Не правда-ли?

— Я уже говорилъ тебѣ, что гораздо больше люблю показывать тебѣ разныя интересныя вещи, чѣмъ рассказывать сказки,—сказалъ Оле-Лукъ-Ой.

— Вотъ и сегодня я хочу показать тебѣ своего брата. Его тоже зовутъ Оле-Лукъ-Ой, какъ и меня, но онъ ни къ кому не приходитъ больше одного раза. Онъ всегда пріѣзжаетъ на лошади и того, къ кому пріѣзжаетъ, сажаетъ къ себѣ на сѣдло и рассказываетъ ему сказку. Сказокъ онъ знаетъ всего двѣ: одна—прекрасная, волшебная сказка, ее можно слушать безъ конца; другая же до того страшна и безобразна, что морозъ подираетъ по кожѣ у всякаго, кто ее слышитъ!..

Моего брата люди называютъ также смертью. Посмотри, онъ совсѣмъ не такъ безобразенъ, какъ его рисуютъ на картинкахъ!..

И съ этими словами Оле-Лукъ-Ой поднесъ мальчика къ окошку, и тотъ уви-



дѣлъ ѣдущаго на лошади красиваго чело-  
вѣка, въ большомъ черномъ плащѣ, укра-  
шенномъ золотыми звѣздами, и въ блестя-  
щей шапкѣ на головѣ.

Онъ ѣхалъ довольно быстро и по пути за-  
биралъ всѣхъ встрѣчавшихся ему дѣтей.

— Какія у тебя отмѣтки въ поведеніи?—  
строго спрашивалъ онъ каждого изъ нихъ.

И тѣхъ, у кого въ тетрадкахъ стояло  
пять, пять съ плюсомъ, онъ сажалъ впереди  
себя и рассказывалъ имъ свою чудную, вол-  
шебную сказку. Тѣхъ же, поведеніе которыхъ  
было не больше, какъ на четыре—онъ уса-  
живалъ сзади и заставлялъ выслушивать  
страшную сказку.

Бѣдныя дѣти, плакали отъ страха, бились  
и старались соскочить съ лошади, но по волѣ  
волшебника они оказывались навѣки при-  
росшими къ лошади.

— Неужели же это смерть?—спросилъ  
Гіальмаръ, увидя всадника.—Какой онъ кра-  
сивый! Я совсѣмъ не боюсь его!..

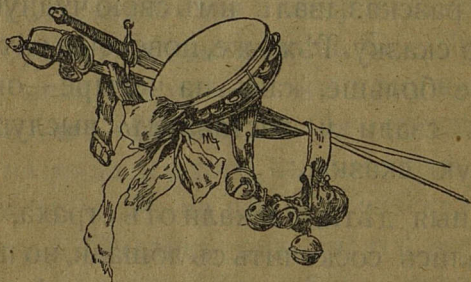
— И не надо бояться,—отвѣтилъ Оле-  
Лукъ-Ой,—надо только имѣть хорошія от-  
мѣтки въ поведеніи.

— Вотъ это вѣрно!—неожиданно произнесъ портретъ дѣдушки.

Кажется, на этотъ разъ онъ былъ очень доволенъ.

Да! такъ вотъ какія интересныя вещи узналъ отъ Оле-Луку-Оя Гіальмаръ.

Желаю, чтобы сегодня онъ пришелъ и къ тебѣ и рассказалъ тебѣ что-нибудь хорошее.







## Пятеро изъ одного стручка.

Въ одномъ стручкѣ сидѣло пять горошинъ.

Сидѣли онѣ рядкомъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и были очень довольны своимъ помѣщеніемъ: днемъ у нихъ было свѣтло, ночью—темно, тихо, уютно,—все, какъ слѣдуетъ.

Сами онѣ были зеленые, стручекъ—зеленый,—и думали онѣ, что весь міръ зеленый,—это вполнѣ понятно.

Подъ вліяніемъ солнышка и дождя стручекъ все росъ, да росъ и становился прозрачнѣе и чище; горошины тоже росли и все

надувались и надувались,—вѣдь надо же было имъ что-нибудь дѣлать?

Однако, какъ ни хорошо было дома, все же, по временамъ, хотѣлось горошинамъ и чего-нибудь другого.

— Ужъ очень мы долго сидимъ тутъ,— сказала разъ одна горошина:—такъ вѣдь и затвердѣть можно! Что же въ этомъ хорошаго? А, главное, думается мнѣ, что за нашимъ домомъ что-то еще есть!... Навѣрное, есть,—ужъ такое у меня предчувствіе!

Прошла недѣля. Горошины пожелтѣли, пожелтѣлъ и стручекъ.

— Ну, весь міръ становится желтымъ!— говорили горошины,—и были совершенно правы.

Вдругъ—сильный толчекъ: человѣческая рука сорвала стручекъ и сунула его въ карманъ.

— Ну, теперь мы скоро выйдемъ на волю,— говорили горошины и громко радовались.

— Интересно знать, кто изъ насъ пойдетъ дальше всѣхъ?—сказала самая маленькая.

— Будь, что будетъ!—сказала самая крупная.

Крракъ!..



Стручекъ лопнулъ, и горошины весело выкатились на ладонь мальчика.

— Чудесныя горошины!—сказалъ мальчикъ,—какъ разъ для выстрѣловъ изъ моего бузиннаго ружья!

Онъ положилъ одну горошину и дунулъ: она вылетѣла.

„Лечу, лечу,—закричала она: — поймай, кто можетъ!“—И она исчезла.

— Я лечу прямо на солнце. Это какъ разъ по мнѣ!

— А мы постараемся упасть гдѣ-нибудь недалеко и заснуть,—сказали двѣ слѣдующія, вылетая изъ ружья.

— Будь, что будетъ!—твердила послѣдняя, взлетая кверху.

Она попала на крышу стараго деревяннаго дома и закатилась въ щель, полную мягкой черной земли и моха.

На чердакѣ жила бѣдная женщина съ маленькой больной дочкой. Она ходила на поденную работу и тяжелымъ трудомъ еле-еле зарабатывала на пропитаніе себѣ и дочери.

Дѣвочка была худенькая, слабенькая, нѣжная, какъ цвѣтокъ. Она была такъ боль-

на, что не могла ходить и цѣлые дни неподвижно лежала въ постели.

„Умреть она“, — думала мать, — уйдеть отъ меня, какъ ея сестра... Только и было у меня двѣ дочки; одной уже нѣтъ, не станеть скоро и другой... А какъ тяжело разставаться!..“ И она горько плакала, глядя на блѣдное личико своей дѣвочки.

Настала весна. Веселое и ласковое солнышко заглянуло и въ каморку подъ крышей.

Дѣвочка заглядѣлась на его лучи.

— Мама, что это тамъ, за окномъ, зеленое?—спросила она мать.

Мать открыла окно и увидала слабые стебельки какого-то растенія.

— Да это, должно быть, горошекъ,—отвѣтила она. Вѣрно, какъ-нибудь горошинка попала сюда и пустила ростки. Вотъ у тебя и садикъ!..

И она подвинула кроватку дѣвочки поближе къ окну, чтобы она могла любоваться нѣжнымъ растеньицемъ, и ушла на работу.

— Мама,—говорила дѣвочка вечеромъ:—мнѣ кажется, я начинаю выздоравливать.



Сегодня цѣлый день солнышко грѣло и меня и горошекъ. Посмотри, какой онъ свѣжій и зеленый, — вотъ и я поправлюсь.

— Дай-то, Господи! — сказала мать, но въ душѣ не вѣрила такому счастью.

Чтобы сберечь горошекъ отъ вѣтра, она подперла его маленькой палочкой и протянула отъ нея до крыши тоненькую веревочку, чтобы стебелекъ могъ, подрастая, виться по ней.

Такъ и вышло: горошекъ росъ и, цѣпляясь своими побѣгами за веревочку, поднимался все выше и выше; скоро распустился и цвѣтокъ.

Дѣвочка цѣлые дни любовалась горошкомъ и стала замѣтно поправляться: ея щечки порозовѣли, глазки стали блестѣть, и она безъ посторонней помощи стала подниматься и сидѣть на постели.

И въ сердцѣ матери родилась надежда...

Прошла еще недѣля, — и дѣвочка встала. Съ какой радостью распахнула она окно и какъ нѣжно поцѣловала тонкіе лепестки блѣднорозоваго цвѣточка!... Цѣлый часъ просидѣла она у окна, грѣясь на солнышкѣ, — какое это было наслажденіе!

Ну, а что же случилось съ другими горошинками?

Первая, которая летѣла, куда хотѣла, — попала въ водосточную трубу, а оттуда въ зобъ голубя. Голуби же съѣли и тѣ двѣ горошины, которыя мечтали гдѣ-нибудь уснуть хорошенько, — что же? онѣ не пропали даромъ.

А та, которая хотѣла взлетѣть на солнце, — попала въ канаву и преспокойно лежала тамъ въ тинѣ, бухла отъ сырости.

— Какъ я однако толстѣю! — говорила она. — Все больше и больше... Право, я, кажется, скоро лопну... До этого, конечно, не дошла ни одна горошинка, — я вполнѣ увѣрена. Я самая замѣчательная изъ всѣхъ пяти!...

И канава вполнѣ соглашалась съ этимъ.

А у окна чердачной каморки — стояла маленькая дѣвочка, румяная и здоровая.

Она протягивала ручки къ солнцу и блестящими глазками весело смотрѣла на Божій міръ...

Российская государственная  
детская библиотека

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА  
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ  
ВЪ ГИИ